

Когда Линь Юй проснулся, солнце уже клонилось к закату. Он поспешно поднялся, вышел во двор. Там его грязные вещи были уже выстираны, а Вэй Циншань сидел, чиня рыболовные сети.

“Циншань, что хочешь на ужин?”

“Давай тушёную рыбу. Я замочил побеги бамбука и ещё купил два кусочка тофу”.

“Хорошо”.

“Перца положи поменьше”.

“Понял”.

Вечером Линь Юй приготовил тушёную рыбу с побегами бамбука и тофу, а по краям котла прилепил лепёшки. Блюдо получилось ароматным и чуть острым, и они вдвоём ели его с большим удовольствием.

Ночью Вэй Циншань обнял Линь Юя, чтобы отдохнуть. Линь Юй с облегчением заметил, что Вэй Циншань не стал настаивать на близости. Он немного боялся этого дела, да и было больно.

Последние дни Линь Юй каждый раз вместе с Вэй Циншанем ещё до рассвета уходил в горы. На той поляне водяной сельдерея рос особенно густо, а река сверху приносила с собой и крупных рыб. Смотря, как каждый день в их корзины с глухим “динь-дунь” сыпались медяки, Линь Юй не чувствовал усталости, наоборот, каждый день у него было полно сил.

Но Вэй Циншань считал, что это слишком тяжело, и боялся, что Линь Юй не выдержит. Он хотел, чтобы тот отдохнул дома пару дней, прежде чем снова идти с ним в горы. Однако Линь Юй боялся упустить короткое время, когда можно продать дикорастущие овощи. Пока на полях ещё не выросла зелень, он хотел успеть заработать на продаже. Да и продлится это недолго, совсем скоро водяной сельдерея постареет и станет невкусным.

Вэй Циншань нёс за спиной две корзины. В темноте дорога становилась ухабистой и трудной. Он опасался, что Линь Юй оступится, поэтому в одной руке держал факел, освещая путь, а другую протянул назад, чтобы Линь Юй мог опереться: “Осторожнее”.

“Угу”, — отозвался Линь Юй, положив ладонь на его руку и поднявшись на крутой склон.

Эти дни он каждый раз ходил с Вэй Циншанем в горы. В первый день ему было страшно. Чем дальше вглубь леса, тем гуще становились заросли и темнее вокруг. Вдруг с шумом вспархивала птица, таинственно ухала сова, в темноте промелькали светящиеся глаза какого-то зверька, то ли лисы, то ли хорька, который с шорохом убежал по опавшей листве.

Но со временем Линь Юй привык и перестал бояться. В темноте Вэй Циншань всегда крепко держал его за руку. Да и далеко в глубь гор они не заходили, так что к счастью, на опасных хищников не натыкались. А как только занимался рассвет, страшиться и вовсе было нечего.

Они как раз шли вперёд, когда впереди идущий Дахэй внезапно остановился и залаял в сторону леса. Даже Байсюэ, шедшая позади, зарычала низко и протяжно.

Вэй Циншань тоже остановился, заслоня Линь Юя собой: “Держи факел”.

“Что случилось?”

“Ничего, впереди, видать, какая-то безглазая тварь”.

Вэй Циншань вынул из корзины мачете. Впереди, судя по всему, прятался небольшой зверь. Он мог по лаю Дахэя определить это.

В ночи раздавалось шуршание, впереди постепенно проявились пара зелёных глаз. Зверь оскалил острые зубы. В слабом свете факела Линь Юй разглядел хищника и, вцепившись в спину Вэй Циншаня, дрожащим голосом спросил: “Это волк?”

“Нет, это какая-то дворовая дикая псина”.

Вэй Циншань не ожидал встретить волка на пути в горы. По его опыту, свирепые звери держались глубже в лесу. До места, куда им нужно было, оставалось всего с полчаса пути — это можно было считать лишь окраиной чащи, где обычно не встречались крупные хищники.

Когда летом или осенью он ходил на охоту, то забирался вглубь на полдня или день. А в тот раз, когда вместе с учителем выслеживал тигра, им пришлось углубляться в лес на два дня пути.

Эта старая волчица, видимо, совсем изголодалась, раз выбралась к краю леса. Но Вэй Циншань не сказал Линь Юю, что это волк, боясь его напугать.

Он лишь поднял мачете, прикрывая Линь Юя за своей спиной: “Дахэй, фас!”

Когда волк подошёл ближе, лай Дахэя стал яростнее. Он пригнулся, обнажив острые клыки, и одним прыжком кинулся вперёд, вцепившись в горло зверю и сцепившись с ним в схватке.

Байсюэ, взбудораженный видом схватки, рвался в бой, но Вэй Циншань не позволил ему, велел оставаться позади и прикрывать от возможного нападения с тыла. На всякий случай, он не мог допустить ни малейшей угрозы для Линь Юя.

Дахэй и старый волк сцепились, но преимущество было на стороне пса. Одним мощным укусом он переломил зверю шею.

Линь Юй наблюдал со стороны, сердце у него колотилось, а ладони вспотели от напряжения.

Когда волк окончательно затих, Дахэй отпустил и подбежал обратно. Вэй Циншань потрепал его по голове: “Молодец”.

После этого он подошёл с мачете и на всякий случай несколько раз ударил зверю по голове, заслоня обзор Линь Юю своим телом, чтобы тот не испугался. Убедившись, что волк мёртв, он оттащил тушу в кусты и нарезал ветвей с сильным запахом, чтобы перебить исходящую от неё кровавую вонь.

Затем он вернулся и срубил землю мачете в том месте, где только что схватились Дахэй и тот дикий волк, чтобы засыпать кровавые следы. Рядом Линь Юй поспешно поднял факел и подошёл ближе, чтобы подсветить, а Дахэй и Байсюэ встали по обе стороны, охраняя Линь Юя спереди и сзади.

Звери в горах всю зиму были голодны, запах крови мог привлечь других хищников — это было бы плохо.

Справившись с этим, Вэй Циншань взял Линь Юя за руку и повёл вперёд. На ладони выступил горячий пот.

“Испугался?”

“Нет, просто боялся, что ты поранишься. Раньше, когда ты охотился, наверное, часто сталкивался с опасностями?”

Вэй Циншань не ожидал, что его маленький фулан переживает именно за него. Как охота могла обходиться без опасности? Первая вещь, чему учил его учитель — это уметь определять с какой добычей предстоит столкнуться и как сохранить себе жизнь.

“Нет, самые свирепые звери живут в самой глубине леса, я туда не хожу. Летом и осенью в основном охочусь на оленей, косуль, лисиц, фазанов, кроликов — на такую дичь”.

Он говорил правду. Ведь не так, чтобы ему приходилось охотиться ради спасения жизни. Не было смысла рисковать, охотясь на волков, тигров или леопардов. Даже если добывал кабана, то выбирал только небольших. А теперь, когда у него есть фулан, тем более не станет соваться в самую чащу.

Линь Юй крепко сжал его руку: “Ты потом не уходи так глубоко в лес. Даже если мы будем жить беднее — ничего. Простая еда, лишь бы наесться и хватит”.

Сердце Вэй Циншаня потеплело. Он мягко откликнулся. Его маленькому фулану и правда много не надо — лишь бы быть сытым. Но так нельзя, он должен откормить его, сделать его пухлее.

Когда они снова дошли до зарослей водного сельдерея, небо уже было светлее, чем в предыдущие дни. Линь Юй поспешно нагнулся собирать сельдерей, а Вэй Циншань спустился в воду за рыбой.

Сегодня рыбы оказалось меньше, чем в прошлые два дня. Хотя расставленные им ветки и преграждали рыбе путь, всё равно улова было меньше. Похоже, через пару дней крупных рыб здесь уже не останется.

Закончив, они с заплечными корзинами спустились с гор. Вэй Циншань завернул волка в рваную тряпку и уложил сверху корзины. Сегодня они решили сменить рынок: на той улице торговали уже три дня и, наверное, местные жители успели пресытиться. На новом месте продаться быстрее.

По-прежнему медяки за продажу относил Вэй Циншань, а Линь Юй один раскладывал товар на прилавке. Сегодня их рыба и водяной сельдерей снова хорошо расходились, так что они рано свернули торговлю. После этого Линь Юй вместе с Вэй Циншанем пошёл продать ту самую “дикую собаку”.

Вэй Циншань привёл Линь Юя в лавку лекарственных трав, велел ему подождать у входа, а сам пошёл договариваться. Всё же шкура дикого волка выглядела не слишком приятно, а его супруг был пуглив.

Линь Юй думал, что они пойдут к мяснику, но неожиданно оказались в аптекарской лавке.

Линь Юй ждал у входа и вскоре Вэй Циншань вышел вместе с человеком, похожим на хозяина заведения. Тот с улыбкой провожал его и, заметив Линь Юя, сказал: “Это, должно быть, ваш фулан? Что-то у него вид не слишком здоровый”.

Сердце Вэй Циншаня дрогнуло. Он взял Линь Юя за руку и подвёл поближе: “Хозяин, взгляните на него”.

Старичок погладил бороду и проверил пульс. Торговец лекарственными травами всё же кое-что понимал в врачевании: “У него истощение сердца и слабость крови. Супруг ведь боится холода? Руки и ноги у него холодные?”

На самом деле, стоило хозяину взглянуть на Линь Юя, как он сразу понял: этот человек долгое время недоедал, тело у него слабое. Ну а купцу, который только что заплатил серебром, естественно, хотелось отбить затраты. Конечно, можно было бы и питанием поправиться, но лекарствами эффект быстрее.

Линь Юй растерянно кивнул. Они же вроде пришли продать товар, а его вдруг начали осматривать.

“Тогда потрудитесь выписать немного лекарств”, — сказал Вэй Циншань.

Линь Юй дёрнул его за рукав: “Мне ничего не нужно”.

“Ай, фулан, так нельзя говорить. Когда кровь и энергия будут в достатке, и силы прибавятся, и детей завести легче будет, верно?”

Услышав про детей, Линь Юй сразу послушно кивнул. Его пятнышко у глаза, “родильная отметина”, было бледным и он боялся, что не сможет подарить Вэй Циншаню ребёнка.

Старичок довольно заулыбался и собрал для них несколько порций укрепляющего отвара:

“Выпьешь — лицо порозовеет, в теле теплее станет. А впредь ешьте побольше яиц и красных фиников для укрепления”.

Линь Юй видел, как Вэй Циншань достал слиток серебра, а на выходе у него в руках уже было несколько свёртков с лекарствами и фарфоровый котелок для отваров.

Линь Юй всё ещё жалел слиток серебра. Они ведь каждый день ходят в горы, зарабатывали всего около четырёх-пяти сотен медяков, а тут вдруг за один раз ушел целый лян серебра — это ж почти за два дня их заработок!

“Как же так дорого...”

“Не так уж и дорого, ту дикую собаку ведь продали за три ляна серебра”.

Утром Вэй Циншань ещё злился, что в горах им повстречался волк и Линь Юй оказался в опасности, а теперь, купив на волчью тушу лекарства для Линь Юя, он чувствовал себя немного спокойнее.

Разве он не понимал, что за мысли у хозяина лавки? Тот ведь полдня упирался и только потом согласился на три ляна, просто хотел с него что-то ещё поиметь.

Его маленький фулан слишком слаб, надо хорошенько его укрепить. Хотя за эти дни лицо у Линь Юя и стало чуть светлее, но крови в нём всё так же не видно. Уже почти март, а по ночам у него по-прежнему холодные ноги. На этом серебро экономить нельзя.

Вернувшись домой, Вэй Циншань сам вылепил из глины и сложил небольшой очаг, поставил на

него лекарственный котёл и стал варить для Линь Юя укрепляющее снадобье.

Линь Юй выпил отвар до дна — такие дорогие лекарства нельзя тратить впустую. Одну порцию он собирался варить трижды. Вечером, устроившись рядом с Вэй Циншанем, он грелся о его тело. Ему нравилось прижиматься к нему: от Вэй Циншаня веяло теплом, а раньше, когда он ночевал в дровяном сарае, было только сыро и холодно.

Рядом с Вэй Циншанем так хорошо, так тепло, так приятно.

“Завтра ты останься дома отдохнуть, я один в горы схожу”.

Линь Юй тут же вскинул голову и тихо возразил: “Не надо”.

“Будь послушным, столько дней беготни, ты и так устал”.

“Не устал”.

Линь Юй замотал головой. Длинные волосы с плеча соскользнули на грудь Вэй Циншаня и тот почувствовал лёгкий щекочущий зуд.

“Ещё пару дней и тот водяной сельдерей уже перестанет быть молодым”, — сказал Линь Юй: “Да и одному ночью в горы идти опасно”.

Вэй Циншань только сегодня понял, что его мягкий с виду фулан всё же упрямый. Он не выдержал его жалобного взгляда и вынужден был уступить: “Тогда в ближайшие дни не будем вставать слишком рано, пойдём, когда начнёт светать”.

“Угу”.

Когда Вэй Циншань согласился, Линь Юй снова улёгся. Наверное, из-за выпитого тонизирующего отвара он всю ночь проспал спокойно.

Через несколько дней рыбы в том месте стало всё меньше и даже та заросль с водяным сельдереем почти иссякла.

Они решили, что сегодня будет последний день торговли. В прошлые дни дикая зелень у Линь Юя расходилась очень хорошо, но с потеплением на рынке появилось множество разных трав и овощей, его сельдерей уже слегка одряхлел и дела пошли хуже: если раньше всё раскупали к полудню, то теперь только к вечеру.

Подсчитав, они поняли, что уже семь дней подряд ходят в горы и пора немного отдохнуть.

За это время они немало заработали медяков, но так как Линь Юй по вечерам уставал, то не пересчитывал каждый день. Сегодня же, в последний день, он чувствовал и радость, и лёгкую грусть. Радость — потому что настал конец тяжёлым дням, грусть — потому что торговля зеленью прекращается.

Закрывая прилавок, Линь Юй купил у старушки, торговавшей нитками и иглами, немного шёлковых нитей. Раз уж зелень продавать больше нельзя, он решил заняться вышивкой, ведь сидеть дома без дела не годится.

“Циншань, я хочу ещё купить немного шёлка”, — сказал он.

“Хорошо. Ты хочешь сшить одежду?”

“Я хочу вышивать и продавать носовые платки”.

Вэй Циншань почувствовал лёгкую грусть: “Отдохни немного, потом подумаем”.

“Но вышивка ведь не утомляет”.

“Будь послушным. Купим, но сразу вышивать не начнёшь, подождём несколько дней”.

“Хорошо, понял”, — кивнул Линь Юй.

Когда Вэй Циншань согласился, Линь Юй обрадовался. Вместе они зашли в тканевую лавку и купили немного шёлка. Линь Юй боялся, что будет вышивать плохо и товар не продастся, поэтому взял немного.

Вэй Циншань ещё купил зерна, мясо и курицу.

Возвращались они, как обычно, на бычьей повозке. Линь Юй держал Вэй Циншаня за рукав и жалобно смотрел: “Садись рядом”.

За время, проведённое вместе, он стал смелее и понял, что хоть лицо у Вэй Циншаня и суровое, но к нему он относится очень хорошо.

Не выдержав его просьбы, Вэй Циншань рассмеялся и тоже сел рядом: “Ладно”.

Когда они возвращались в деревню, встречным односельчанам кивали и здоровались.

Увидев их, фулан Ван воскликнул: “Ого, Циншань, курицу купил?”

“Угу”.

“В последнее время, наверное, в горах немало добычи?”

“Так, сносно”.

Фулан Ван подошёл поближе, вытянул шею и заглянул в корзину за спиной Вэй Циншаня: “Ай-ай, да ты ещё и столько риса с мукой купил!”

Вэй Циншань явно был недоволен, но не стал ссориться и холодно ответил: “Не то что в доме у фулана Вана есть своё поле. Моей семье только и остаётся, что покупать”.

Слыша такую “лесть”, фулан Ван прикрыл рот ладонью и рассмеялся, потом с показной теплотой схватил Линь Юя за руку: “Это гээр Юй? Узнаёшь меня? Я ведь ещё до замужества тебя видел”.

Линь Юй немного растерялся, замотал головой, он совершенно не знал этого человека.

Фулан Ван снова засмеялся: “Моя родня тоже из деревни Далицзы. Я фулан старшего брата гээра Чунь, того, что тофу продаёт. Как раз ты в деревню приехал, а я почти сразу замуж вышел, так что ты меня и не помнишь. Вот уже и вырос, какой стал!”

Видя смущение Линь Юя, Вэй Циншань поспешил выручить его: “Фулан Ван, мы пойдём”.

“Ай, ладно, идите-идите. С таким грузом всё равно тяжело”.

По дороге Вэй Циншань тихо сказал Линь Юю:

“Не обращай на него внимания. Это фулан старшего брата гээра Чунь, любит за чужой счёт выгоду искать”.

Линь Юй тоже не проникся к фулану Вану, кивнул: “Понял”.

Вернувшись домой, Вэй Циншань вскипятил воду, велел Линь Юю сперва помыться и отдохнуть, а сам занялся курицей. Рыбу оставлять не стали, за эти дни уха и тушёная рыба уже приелись.

Когда Линь Юй умылся и привёл себя в порядок, он вышел и сказал: “Циншань, иди помойся”.

“Угу. Сейчас курицу разделаю и пойду. Ты только подальше отойди, чтобы не запачкаться”.

Но Линь Юй далеко не ушёл, присел рядом и смотрел, как Вэй Циншань ловко забивает, ощипывает, а потом разделяет курицу на куски и тщательно промывает.

“Я сначала поставлю курицу тушиться”, — предложил Линь Юй.

“Подождёт, и позже можно приготовить”, — возразил тот.

Он хотел, чтобы Линь Юй отдохнул. За эти дни тот устал, следуя за ним повсюду. Сам Вэй Циншань тоже мог бы сварить курицу, но знал, что вкус у него выходит неважный, поэтому считал, что лучше поручить дело своему маленькому фулану, чтобы не испортить такую хорошую курицу.

Линь Юй, держа вымытую курицу, пошёл на кухню: “Ничего страшного, положим дров в котёл, пусть тушится, когда проснёмся, курица уже будет готова”.

Сначала он зачерпнул из котла полведра горячей воды для купания Вэй Циншаня, потом снова подложил дров, снизу тушилась курица, а сверху на пару готовился рис. Так что когда они отдохнут, сразу смогут поесть.

Линь Юй лёг на кровать, Вэй Циншань тут же обнял его. Он уже привык засыпать, прижимая к себе своего маленького фулана.

Линь Юй за последние дни очень устал, поэтому, едва прильнув к Вэй Циншаню, быстро уснул. Ему нравилось засыпать, прижавшись к нему: тело Вэй Циншаня было тёплым и уютным.

Он даже не думал о том, что завтра нужно рано вставать и идти в горы. Открыл глаза, а солнце уже клонилось к закату. Потянувшись в дремотной неге, укутанной одеялом, он сладко разомлел. Хоть последнее время и было утомительным, но видя, как в бамбуковую корзину каждый день звеня падают медяки, он ощущал прилив сил.

Линь Юй небрежно завязал волосы лентой, оставив их свободно и чуть растрёпанно ниспадать за спиной.

“Проснулся?”

“Угу”.

Он лениво зевнул, только что проснувшийся, а в уголках глаз блеснула застрявшая слезинка, готовая вот-вот скатиться. Вэй Циншань залюбовался.

“Идём мыть руки — пора ужинать. Курица уже разварилась”.

На столе стояла целая большая миска тушёной курицы: мясо распарилось так, что оголились косточки, суп был молочно-белым, с золотистой маслянистой плёнкой сверху. Даже Дахэй и Байсюэ, уловив аромат, подбежали к столу.

Они разложили себе по миске белого риса. Вэй Циншань положил Линь Юю куриную ножку: “Ешь скорее”.

“Ты тоже ешь”, — Линь Юй в ответ подал ему другую ножку.

Они обменялись улыбками, ощущая, как прекрасна и спокойна их нынешняя жизнь.

Линь Юй откусил большой кусок куриной ножки, довольно прищурился. Байсюэ, не находя себе места от нетерпения, жалобно поскуливал и тёрся головой о штанину Линь Юя.

Линь Юй бросил Байсюэ кусок куриной шеи и Дахэю тоже дал немного. Хотя он и был бережливым, но понимал: эти два пса каждый день ходили с ними в горы и оберегали их, они уже стали членами семьи.

Байсюэ, съев кусок, захотел ещё. Он умел подмечать настроение: знал, что Вэй Циншань его баловать не станет, поэтому подошёл к Линь Юю, положил лапу ему на ногу — мол, дай ещё.

Вэй Циншань глянул на него: “Сначала ешь сам, не нужно ему потакать”.

“Байсюэ и Дахэй, наверное, тоже проголодались”, — возразил Линь Юй.

Раздражённый тем, что хитрый Байсюэ отвлекает Линь Юя от еды, Вэй Циншань просто взял собачью миску, положил туда куриные шеи и лапки, плеснул сверху куриного бульона и смешал с рисом. Тогда Байсюэ перестал докучать Линь Юя.

Линь Юй, наблюдая, как два пса радостно виляют хвостами и уплетают угощение, улыбался так, что глаза превращались в изогнутые дуги.

Он съел миску риса и выпил миску куриного супа. Ему очень нравился этот сладковатый, наваристый вкус. Поставив чашку, он решил, что больше не будет. Но Вэй Циншань снова подлил ему бульона и положил мяса: “Ещё немного поешь”.

“Я уже сыт”.

“Да поешь ещё, у тебя аппетит как у котёнка”.

Линь Юй выпил ещё одну миску бульона и в конце концов наелся так, что пришлось выйти во

двор прогуляться, чтобы еда улеглась.

Когда стемнело, они достали все медяки, заработанные за последние дни. Глядя на целую корзину медяков, Линь Юй не мог поверить своим глазам:

“Как же их так много?..”

“Это всё благодаря моему маленькому фулану”, — мягко сказал Вэй Циншань.

От этих слов “маленький фулан” лицо Линь Юя вспыхнуло румянцем.

Они уселись рядом и начали считать деньги. Сотня медяков нанизывалась в одну связку, десять связок составляли один лян серебра. Чем дальше считал, тем ярче светились глаза Линь Юя: о таком он раньше и мечтать не смел.

Считали они долго, пока наконец всё не пересчитали. Первые дни торговля шла бойко: рыбы было много, овощи свежие. Позже рыбы становилось всё меньше, а несколько дней подряд они торговали только водяным сельдереем и дела шли хуже. Лишь сменив место торговли, они снова поправили положение.

Линь Юй взял в руки связку медяков и начал считать: “Один, два, три, четыре...”

Одна связка равнялась одной цяни, десять — одному ляну серебра. Улыбка на лице Линь Юя стала ещё шире: “Всего три ляна и две цяни! А ещё есть разменные медяки”.

Он достал старые накопления: “Вот как раз здесь ещё восемь цяней. Вместе выходит четыре ляна! И ещё два серебряных слитка от продажи дикого пса — всего шесть лянов!”

“Хорошо. Через пару дней я схожу в город и обменяю всё на серебряные слитки”.

На лице Вэй Циншаня тоже играла улыбка, ведь все эти деньги они с его маленьким фуланом копили по медяку. Ещё до первых петухов они шли в горы и его маленький фулан ни разу не пожаловался.

В тот день они легли спать пораньше. На следующий, едва запели петухи, Линь Юй уже открыл глаза и Вэй Циншань тоже проснулся. За эти дни они привыкли к такому ритму. Вэй Циншань поправил на Линь Юе одеяло: “Рано ещё, спи немного”.

Но сон уже не шёл. Линь Юй придвинулся ближе к Вэй Циншаню и вдруг почувствовал, что что-то упирается в него. Лицо Линь Юя вспыхнуло, он неловко отодвинулся.

Вэй Циншань смутился, слегка кашлянул. Каждый день он засыпал, прижимая к себе своего маленького фулана, и говорить, что у него не возникало желаний, было бы неправдой. Но Линь Юй в последнее время сильно уставал, поэтому он старался его не трогать.

Однако, отодвинувшись, Линь Юй почувствовал себя неловко. Он протянул руку и чуть потянул за нижнюю одежду Вэй Циншаня. Тот хрипловато сказал:

“Поспи ещё немного, до рассвета есть время”.

“Тебе... не тяжело?”

“Нет, терпимо”.

“Ты хочешь?”

Эти слова так подействовали на Вэй Циншаня, что глаза у него покраснели. Он перевернулся и прижал Линь Юя под собой. Тот прикусил губу и не осмелился издать ни звука. Было больно.

Когда поцелуи Вэй Циншаня добрались до его слёз, он сразу остановился: “Я тебя не ранил?”

“Н-нет...”

Теперь Вэй Циншань уже не был таким необдуманным, как в первый раз. Он ясно чувствовал, что дрожащие ноги на его талии не отвечают ему взаимностью.

Сердце его переполнило сожаление, он крепко обнял Линь Юя, шепча утешения: “Прости... Я сделал тебе больно”.

“Н-нет, не... не больно”.

Но Вэй Циншань больше не решился продолжать. Он только держал Линь Юя в объятиях, успокаивая его. И вскоре тот, ещё недавно не в силах уснуть, опять провалился в сон.

Вэй Циншань с досадой думал, что готов был бы двинуть себе по лицу кулаком: как он мог причинить боль своему маленькому фулану!

Лишь на рассвете Линь Юй поднялся. Вэй Циншань уже топил печь. Увидев, что тот вошёл, он поднёс ему таз с горячей водой: “Оботрись”.

Он знал, что его маленький фулан любит чистоту: каждый день, даже если вернётся очень уставший, обязательно оботрёт тело. Линь Юй слегка покраснел и не решался смотреть на Вэй

Циншаня. Всё из-за его вчерашней изнеженности — он даже такой боли не смог вытерпеть.

Утром они оба молчали, каждый чувствовал сожаление.

Вэй Циншань корил себя за то, что причинил боль Линь Юю, а Линь Юй за то, что оказался слишком нежным и слабым.

Вэй Циншань лёгким кашлем нарушил тишину: “Всё ещё... больно?”

Линь Юй поспешно покачал головой: “Н-не больно. Прости, это я слишком изнеженный”.

“Нет, это я был слишком груб”.

Лицо у Вэй Циншаня оставалось холодным, но мочки ушей покраснели. Линь Юй подумал, что тот рассердился, и ему стало ещё более тягостно.

<http://bllate.org/book/15725/1407303>